

**Творчество Ивана Вишенского в контексте развития
фразеологического фонда украинского языка XVI–XVII вв.**

Иван Вишенский известен украинскому обществу как монах, который большую часть своей жизни прожил за пределами родины – на святой горе Афон, посвятив себя служению Богу. Без его имени не обходятся исследования в области истории украинской литературы, истории украинского литературного языка указанного периода, так как И. Вишенский стоял у истоков полемической литературы, примером собственного творчества останавливая экспансию католицизма и в территориальном, и в культурно-религиозном, и в языковом аспектах. Как основоположник нового жанра, писатель должен был сделать выбор в пользу того или другого языка. Но сложившаяся в Украине языковая ситуация не очень-то способствовала этому: с одной стороны – функционирование славяно-русского и «простого» украинского языков, которые корнями уходили в Древнюю Русь, с другой – пришедшие польский и латинский языки – язык нового государства и язык образования в Европе.

Творчество Ивана Вишенского неоднократно было предметом исследований филологов (И.К. Белодед, И.П. Еремин, П.И. Житецкий, П.П. Плющ, В.М. Русановский, Н.Ф. Сумцов, И.Я. Франко, В.А. Шевчук и др.). В большинстве своем работы носят литературоведческий характер; языковеды же либо в целом говорили об особенностях языка и стиля произведений полемиста, либо анализировали их лексический состав, отмечая значительное количество авторских неологизмов.

Фразеология произведений Ивана Вишенского в украинском языкознании пока что остается белым пятном, несмотря на то, что имеется специальное исследование М. Онишкевич «Наблюдения над фразеологией произведений И. Вишенского» [Онишкевич, 1961], а многие фразеологические единицы послужили иллюстративным материалом для «Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII века». Возможно, интерес языковедов к фразеологии писателя сдерживали слова П. Житецкого, который, комментируя ранние полемические трактаты И. Вишенского, заметил: «<...> несмотря на свое религиозное уважение к славянскому языку, не мог [Вишенский] осилить его тяжелой фразеологии, то переделывая ее в народном духе, то перемешивая ее с народными словами и выражениями, наполненными крепким украинским юмором» [Житецкий, 1987, с. 23]. Иван Вишенский оставил сравнительно небольшое наследие – 16 произведений. Цель нашей статьи – проанализировать состав и функции библейской и старославянской фразеологии сборника «Книжка» украинского писателя-полемиста.

Кроме упомянутого исследования, где М. Онишкевич отмечает новаторство писателя в образовании фразеологизмов, анализируя в основном народные единицы [Онишкевич, 1961, с. 126–133]. Украинские языковеды очень лаконичны

в высказываниях о роли и месте устойчивых словосочетаний в произведениях И. Вишенского: «Иван Вишенский, как известно, в своей собственной языковой практике прибегал к выразительным средствам лексики и фразеологии “простого языка”. <...> Лексико-фразеологическое наполнение языка Ивана Вишенского выходило за рамки славяно-русского языка» [Білодід, 1958, с. 79–80]; «Довольно часто И. Вишенский вводит в текст своих произведений, написанных “простым языком”, и элементы украинской народной фразеологии. Однако фразеология эта в указанных произведениях представлена гораздо скромнее, чем лексика живого народного языка» [Плющ, 1971, с. 171]; «Не избегает И. Вишенский народных фразеологизмов. Есть у него такие, как *зубы наострил еси* (42); *Вопросил бых вас, что ест труд очищения, але вѣм, иж вам ни снилося о том* (52); *каждая, рече, лишка свой хвост хвалит* (60); *Тот закон есте попрали и внивеч обернули* (62); *злоба же и лжа всѣх опанует и гору возмет* (157) и др.» [Русанівський, 2001, с. 83]. Действительно, произведения полемиста демонстрируют широкую палитру старославянских / библейских и украинских народных фразеологизмов. Тогда как понимать слова П. Житецкого? Полемические трактаты Вишенского – неумелое нагромождение слов и словосочетаний разных тематических групп или плод кропотливой стилистической работы? Если взять во внимание, что Иван Вишенский знал о Реформации, о переводе чехами Святого Письма на народный язык и пользе от этого, о такой же попытке в Украине (Пересопницкое евангелие, 1556–1561 гг.), станет очевидным, что писатель использовал оба языка не с целью их противопоставления, а наоборот – под его пером они были грозным орудием против латинизации и полонизации украинского общества. Соответственно, язык в произведениях полемиста – это, как и вера, главное средство идентификации и народа, и государства. И фразеологизмы играют здесь не последнюю роль.

Выступая против Унии, он хулит не только католиков, но и православных, которые изменили своей вере. Сложившаяся в государстве ситуация для Ивана Вишенского является аморальной с той точки зрения, что один из верхних слоев общества – церковники, ставленники Бога на земле, предали собственный народ. Подчеркивая высокую степень этого греха, полемист для его номинации использует библейское выражение *Содом и Гоморра* «место, где попираются моральные устои общества», усложняя общую семантику синтаксической конструкции словосочетанием для обозначения способа уничтожения – *жупелом и огнем*: *Или не вѣдаете, бѣдници, если бы не было истинных иноков и богоугодников межии вами, уж бы давно, якож **Содома и Гоморра**, жупелом и огнем у Лядской земли есте опопелѣли* [Книжка, с. 58]. Последнее, очевидно, из-за незнания простыми украинцами значения старославянизма *жупел* ‘сера’, ассоциировалось в их сознании с фразеологизмом *огнем и мечем / мечем и огнем*, широко функционировавшим в украинском языке XVI–XVII вв. Фразеологизм *Содом и Гоморра* «1) крайний беспорядок, суматоха, шум; 2) крайняя безнравственность, распущенность» унаследован новым украинским языком [СУМ, т. 9, с. 437; ФСУМ, с. 842], с такой же семантикой он активно функционирует и в современном русском языке [ФССРЛЯ, т. 2, с. 401].

Иван Вишенский очень глубоко знал Библию, о чем свидетельствует множество приведенных им примеров. Полемист силой библейского слова пробует воздействовать на сознание украинцев, причем в первую очередь на сознание тех, кто возомнил себя выше земных, росчерком пера пробуя изменить судьбу тысяч сограждан. Он упрекает сторонников католицизма, умело используя библейское выражение *попелом головы посыпывать*, которое в контексте служит одним из доказательств неискренности поступков верхушки, в частности церковной: *Если бо царие, Давид и иншиє, попелом головы свои посыповали, и веретищем ся одѣвали, и на земли голой ся помѣтали, и постом внутренюю свою мертвили, и кости свои сушили, каючися пред богом, як да получат милость от него, а ты што розумѣеш о собѣ выбритвивши потилицю, макгерку верх рога головного повѣсивши, косичку или пѣрце верх макгерки устроивши и делѣю на собѣ перепявши, плече одно вышше от другого накокорѣчивши, як полетѣти хочаши, – тобѣ ли покаяния не треба?* [Книжка, с. 61–62]. Это устойчивое словосочетание пополнило фразеологический фонд украинского языка, где продолжает репрезентировать семантику «печалиться, терять мужество, надежду» [ФСУМ, с. 680]. Исследуемый фразеологизм кодифицирован и во «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» – «предаваться глубокой скорби по случаю какого-л. бедствия, тяжелой утраты» [ФССРЛЯ, т. 1, с. 797].

Что бы ни делал человек, его деяния всегда находят отклик среди людей, но прежде всего их видит Бог. И здесь И. Вишенский проявляет себя умелым стилистом, проводя сложную лингвистическую работу – для номинации Бога использует перифраз *всевидящее око*, атрибутивный и субстантивный компоненты которого в совокупности обладают более «устрашающей» семантикой, нежели слово *Бог*: *Явно, яко ничим другим, толко хулою и величанием гордости пред человеѣки, а пред всевидящим оком – окаяннѣйшии и всѣх тварей безчеснѣйшии еси* [Книжка, с. 101]. В «Словаре украинского языка XVI – первой половины XVII в.» это словосочетание определено как устойчивое [СУМ XVI–XVII, вип. 5, с. 24]. Очевидно, что в семантической структуре библейского фразеологизма произошли изменения: можно наблюдать синкретизацию значений лексем *вѣдаты* ‘знать’ и лексем *видѣты* ‘видеть’. Это ярко демонстрируют толкования, представленные в «Словаре украинского языка» и «Фразеологическом словаре украинского языка»: *всевидящий (Всевидящее)*, *всевидящий* – «который способен все видеть, замечать; пристальный» с ремаркой *устар.*; *всевидящее око* – «о глазах того, кто все видит и знает» с ремаркой *поэт.*; *всевидящее око* – б) «о Боге» с ремаркой *ирон.* [СУМ, т. 1, с. 763]; *всевидящее око* – «кто-то обладает способностью все замечать, обо всем быстро узнавать, знать» // *всевидящее око* – «Бог» с ремаркой *устар.* [ФСУМ, с. 583].

Значительный интерес представляет использование Иваном Вишенским устаревших уже к тому времени фразеологизмов. В нашем случае имеется в виду фразеологизм *десно и шує*, который не зафиксирован лексикографическими трудами конца XVI – начала XVII в. – «Лексисом» Л. Зизания, «Лексиконом» П. Беринды: *Духи бо нечисти поднебеснии везде во естествѣ зовемых хрести-*

ян гнѣдятся и царствуют: прелстили, прехитрили и от бога различными ересьми десно и шуе естество человеческое **открали** и вслѣд себе отволокли сут [Книжка, с. 79]. В приведенном примере устойчивое словосочетание реализует семантику 'на все стороны, не считаясь ни с кем и ни с чем'. Полемист преднамеренно использовал фразеологизм с компонентами-старославянизмами. Как видим, неизвестные или малоизвестные устойчивые единицы, пускай и из сакрального языка, в его текстах становятся своеобразным маркером «Остановись! Прочти внимательно!». История фразеологизма в украинском языке не проста. В «Словаре украинского языка XVI – первой половины XVII в.» в словарной статье десно функционирование этого наречия проиллюстрировано двумя контекстами из произведений И. Вишенского, причем в обоих случаях представлена конструкция, приведенная и нами [СУМ XVI–XVII, вип. 7, с. 250]. Третий пример *Налѣво и десно да не возвратимся, и Христу, госпуду, вѣрне прилучимся* (там же) из Загоровского сборника конца XVI века демонстрирует лингвистическую обработку фразеологизма путем замены старославянизмов исконными наречиями. Очевидно, выход на периферию лексической системы украинского языка старославянизмов с корнями десн- 'правый' и шуй- 'левый' стал причиной утраты и фразеологизма. Но не в буквальном смысле, потому что мы имеем лексическую замену при сохранении структурной оболочки устойчивого словосочетания. Фразеологический фонд современного украинского языка пополнился конструкцией *направо і наліво* «всем подряд, без разбора; не разбираясь // на все стороны, не считаясь ни с чем» [ФСУМ, с. 532]. В русском языке этот фразеологизм функционирует со значением «без разбору, без оглядки» [ФССРЛЯ, т. 1, с. 630].

Два других библейских фразеологизма – *тма кромѣшняя, скрежет зубный* – Иван Вишенский включает в перечень атрибутивов другого мира, куда попадут все те, кто изменил христианской вере, кто в мирской жизни не соблюдал Божьих заповедей: *Умри толко, узриши того панства пожиток, узриши темницю несвѣтимуую и тму кромѣшнюю, узриши черв неусыпающий, узриши ад с пропастью глубокою, узриши рѣку огненную, и конечную геену, и скрежет зубный, которые твоему панству ся уготовили, если их тут в тѣлѣ покаянием и покорю з добрым житием от себе не отженеши и не освободишися, противные, христианские, учинки чинячи и цѣломудреную жизнь вѣка сего живучи* [Книжка, с. 75–76]. Примечательно, что полемист включает фразеологизмы в контекст не подряд, а по нарастающей – от вне человека до внутри его.

Отметим, что устойчивое словосочетание *зубами скрежетати* со значением «проявлять ярость, досаду» активно функционировало в украинском языке XVI–XVII вв., о чем свидетельствует «Словарь украинского языка XVI – первой половины XVII в.» [СУМ XVI–XVII, вип. 12, с. 203]. В современном украинском языке семантика словосочетания сохранилась полностью при вариантности глагольного компонента: *скрежетать* (*скрипеть, скрипнуть* и т.д.) / *заскреготать, заскрипеть, скрипнуть, скреготнуть* и т.д.) *зубами* – «проявлять гнев, раздражение и т. д.» [ФСУМ, с. 820]. Но исследуемый нами материал показывает, что фразеологизм мог употребляться и для обозначения боли, отчая-

ния, реализуя значение 'сильные физические и душевные муки, переживания, боль, отчаяние'. Приведем еще примеры: *але послѣ того гробу, и по робачствѣ теперешнем, вспомятай неоумирающіе оныи черви, и огонь незагасающій, и зкрытанє зубами, и темность окромѣшнюю, на оный фрасоунокъ и тоскливость* [Острог, 1607, Лѣк., с. 37 // Картотека]; *Вмѣсто твоихъ шкарлатювъ и блаватовъ, ту будетъ; плачь и скрежѣтъ зубомъ, горе вамъ смѣющіся; яко въсплачтєся, и възрыдайте о грядущихъ скорбєхъ на васъ* [Чернигов, 1646, Ставр., Перло мн., с. 135 // Картотека]. Составителям «Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII в.» следует обратить внимание на функционирование фразеологизма со вторым значением и восполнить этот пробел.

И. Вишенский умело актуализирует интерес читателей, слушателей путем использования части библейского выражения *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное* «сделать что-л. невероятно трудное, невозможное»: *Покажѣте ми, о згуду вяжучи, где который з вас тот конечный степень Петрова гласа исполнил: «Се мы, – рече, – оставихом вся и вслѣд тебе идохом, – что убо будет нам», слышавше от учителя, яко неудоб богатии вниидут в царство небесное* [Книжка, с. 88]. В исследуемый период развития украинского языка распространенным был полный вариант, о чем свидетельствуют памятники письменности, напр.: *єще повѣдаю ва(м) лац(ь)нѣйше є(ст) вел(ь)боудоу сквозѣ оуши иглиныи пройти а ни(ж)ли богатому в цр(с)тво нб(с)ное в(ь)нїити* [1556–1561, ПЄ, с. 84 зв. // Картотека]; *Латвѣй єст мовить Пань Велблюдови через игляное оухо пройти, нижли богатому в Црство Нбсное внїити* [Київ, 1632, Мог., Проп., с. 286 // Картотека]. Фразеотворчество Ивана Вишенского тем более примечательно, что в современных украинском и русском языках только первая часть библейского выражения – *пройти (пролезть) (верблюду) через игольное ушко* [СУМ, т. 1, с. 791; ФСУМ, с. 708; ФССРЛЯ, т. 1, с. 450] продолжает функционировать как отдельная устойчивая единица. Причиной выхода на периферию фразеологической системы второй части конструкции послужила, с одной стороны, семантическая тавтология, с другой – обычная ассоциация, когда реальнее представить верблюда и ушко иглы, чем богатого и Царство Небесное.

Экспериментирует Иван Вишенский и с другим библейским фразеологизмом – *в чужом глазу сучок видеть, а в своем бревна не замечать* 'необъективное, предвзятое мнение о ком-то, его действиях и поступках': *Як ся усправедливиши богу з того корчмарства, которое всѣгда во адѣ чрева своего носиши и которое смачнѣйшее пиво, мед или вино коштуючи, тое горлом глытаєши, а которое ти не любо, тое подлѣйшим черевом, возницким, мысливским, давати повелѣваєши, и своего бревна, в очах сумнѣня лежачого, видѣти не хочєши, а на порошно братнее видѣти его широко очи продрал еси* [Книжка, с. 74]. В. Адрианова-Перетц, анализируя образ человека в учительной литературе Древней Руси, рассматривает и особенности использования упомянутого выше выражения. Она отмечает, что фразеологизм «требовал» от человека прежде всего «внимать себе», то есть оценивать свои поступки, был напоминанием, что следует раньше осуждать себя, а не подмечать недостатки у других. Исследова-

тель также указывает на оппозицию «сучок – бревно», которая в русском языке сохранялась до XIX в., вариант же с лексемой *порошинка* впервые зафиксирован В. Далем [Адрианова-Перетц, 1972, с. 9]. Как свидетельствует приведенный нами пример, трансформации в составе фразеологизма явно наметились в народной среде (ср.: функционирование в украинском языке лексемы *порохно́* «труха, сгнившее дерево» [Гринч., т. 3, с. 354; СУМ, т. 7, с. 285]). И именно такой вариант как отражение взаимодействия двух языков – славяно-русского и «простого» украинского – предложил украинскому читателю, слушателю полемист.

Проанализированный материал свидетельствует, что Иван Вишенский в своих посланиях активно использовал библейские фразеологизмы, целесообразно вплетая их в метаязык текстов нового жанра. Произведения демонстрируют кропотливую лингвистическую работу полемиста над фразеологизмами, его умение почувствовать стилистический потенциал этих языковых единиц. Большинство из использованных писателем библейских фразеологизмов в полной или трансформированной форме унаследовал новый украинский язык.

Библиографический список

Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. М., 1972.

Житецький П.Г. Вибрані праці. Філологія. Київ, 1987.

Курс історії української літературної мови / за ред. І.К. Білодіда. Т. 1. Київ, 1958.

Ониськевич М.М. Спостереження над фразеологією творів І. Вишенського // Дослідження і матеріали з української мови. Т. 4. Київ, 1961.

Плющ П. П. Історія української літературної мови. Київ, 1971.

Русанівський В. М. Історія української літературної мови. Київ, 2001.

Словари

Словарь української мови / упорядк. з доданням власного матеріалу Б. Грінченко: в 4 т. Т. 3. Київ, 1997. (В тексте – Гринч.)

Словник української мови / за заг. ред. І. К. Білодіда: в 11 т. Київ, 1970–1980. (В тексте – СУМ.)

Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1–15. Львів, 1994–2010. (В тексте – СУМ XVI–XVII.)

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А.Н. Тихонова: в 2 т. М., 2004. (В тексте – ФССРЛЯ.)

Фразеологічний словник української мови / уклад.: В. М. Білоноженко та ін. Київ, 1999. (В тексте – ФСУМ.)

Источники

Вишенський І. Твори. Київ, 1959. (В тексте – Книжка.)

Картотека «Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII в.». Хранится в отделе украинского языка Института украиноведения им.И. Крипякевича НАН Украины (г. Львов). (В тексте – Картотека).